

ВОИНСТВУЮЩАЯ АРАВИЯ

Л.М. ИСАЕВ

Кандидат политических наук

А.В. КОРОТАЕВ

Доктор исторических наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Институт Африки РАН

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Иран, *SIPRI*, «арабская весна», импорт вооружения, вооруженные конфликты, Ближний Восток

Как мы увидим ниже, на самом деле Саудовская Аравия обогнала Россию в 2015 г. лишь по номинальным военным расходам, в то время как по реальным военным расходам Россия сохранила свое 3-е место в глобальной военной иерархии.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ОБМАН

Нисколько не преуменьшая стремительно растущих в последние годы саудовских амбиций, выразившихся в резко возросших расходах на вооружение, все же основным фактором того, что в тройке мировых лидеров по затратам на военную сферу Саудовская Аравия сменила Российскую Федерацию (и при этом, как мы увидим ниже, только по «бумажным» затратам, а не фактическим), стало резкое падение курса рубля.

Отметим, что *SIPRI* опубликовал по состоянию на 2015 г. два ряда оценок военных расходов - номинальные (т.е. с пересчетом военных расходов по но-

Стокгольмский институт исследования проблем мира (*SIPRI*) опубликовал данные по расходам на военные нужды за 2015 г. Рейтинг традиционно возглавили США и Китай, чьи расходы на военную сферу составили \$596 и \$214 млрд, соответственно. А вот на 3-е место впервые вроде бы вышла Саудовская Аравия, потратившая в прошлом году на военные нужды \$87 млрд, причем отрыв от расположившейся на четвертом месте Российской Федерации составил чуть более \$20 млрд¹.

минальному курсу, отражающему все спекулятивные колебания курса доллара) и фактические военные расходы (эта оценка подобных спекулятивных колебания курсов игнорирует).

Саудовская Аравия обогнала РФ только по номинальным, но не фактическим военным расходам. Действительно, при пересчете военных расходов по текущим спекулятивным обменным курсам получается, что военные расходы Саудовской Аравии между 2014 и 2015 гг. выросли с \$80,8 до \$87,2 млрд, а россий-

ские обвалились - с \$84,7 до \$66,4 млрд. Но в реальности никакого обвального сокращения военных расходов в России не было!

Речь идет об элементарной финансовой аберрации. Обменный курс российского рубля к доллару, в среднем, за 2015 г. оказался несравненно ниже, чем, в среднем, за 2014 г. Связано это было, конечно, прежде всего, с обвальным падением цен на нефть (от которых российский федеральный бюджет крайне зависим), начавшимся летом 2014 г. и достигшим своего «дна» зимой следующего года.

Но при этом курс саудовского риаля (привязанного к доллару) не обвалился, а вот курс российского рубля обвалился больше, чем валюта любой другой страны-экспортера нефти - практически на столько же, на сколько обвалились и сами цены на нефть. Это стало возможным ввиду того, что российская администрация пошла на вполне сознательную привязку курса российского рубля к нефтяным ценам.

Расчет (в заметной степени оправдавшийся) здесь делался на следующее. К моменту начала обвального падения цен на нефть разного рода доходы от нефти (НДПИ, таможенные

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г. при поддержке проекта РНФ «Российская политика на Ближнем и Среднем Востоке: перспективы и пределы сотрудничества со странами региона» (№ 14-18-03615).

Военные расходы на душу населения (\$)

	Страна	Военные расходы на душу населения
1	Саудовская Аравия	2778
2	Оман	2574
3	Израиль	1923
4	США	1854
5	Сингапур	1705
6	Норвегия	1131
7	Бахрейн	1105
22	Российская Федерация	454
45	Турция	196
61	Иран	131
84	Египет	61,9

Источник: SIPRI Database.

пошлины на экспорт нефти и т.д.) составляли более половины доходной части федерального бюджета. В такого рода условиях фактически осуществленная российской администрацией привязка курса рубля к цене на нефть позволяла ей в течение заметного времени (вплоть до падения цен на нефть ниже критического уровня) осуществлять взятые на себя социальные обязательства (номинарованные, естественно, в рублях) без существенного расходования золотовалютных резервов (ЗВР), сколоченных в период высоких нефтяных цен.

Но при этом и военные расходы Россия осуществляла практически исключительно в рублях. Поэтому наблюдавшийся в 2015 г. значительный рост российских военных расходов сомнений не вызывает, а иллюзия их снижения получается только при использовании номинального обменного курса, искусственно заниженного российской администрацией для решения своих фискальных проблем.

Итак, за сообщениями некоторых СМИ о выходе Саудовской Аравии в 2015 г. на 3-е место в мире по военным расходам стоит своего рода «двойная реальность». С одной стороны, по реальным военным расходам Саудовской Аравии в 2015 г. обойти РФ не удалось. Но всё-таки какая-то реальность за этими сообщениями стояла.

Действительно, после начала «арабской весны» Саудовская Аравия попыталась выйти на роль однозначного лидера арабского мира, в т.ч. и за счет увеличения своей военной мощи; борьба же за эту роль привела к ввязыванию королевства в прямые и косвенные военные конфликты (наиболее дорогостоящим из которых оказался йеменский конфликт), а значит, и к дополнительному росту военных расходов.

В результате, в 2011-2015 гг. наблюдался колоссальный рост саудовских затрат на военные нужды. Российские военные расходы тоже в это время росли очень быстро, но отнюдь не столь фантастическими темпами, как это наблюдалось в Саудовской Аравии.

ВРАГИ ПОВСЮДУ

В любом случае, данная информация в очередной раз подтвердила саудовский статус самой милитаризованной страны мира по военным расходам на душу населения, которые в полтора раза превышают даже уровень Соединенных Штатов (см. табл.).

Первое, что следует отметить: во многом увеличение саудовских военных расходов в 2015 г. на \$6,4 млрд - цена, которую королевству пришлось заплатить за военную кампанию в Йемене. Близкие данные приводит и министр экономики и планирования Саудовской Аравии Адель бин Мухаммед Факих. По его оценкам, \$5,3 млрд саудовских расходов в 2015 г. были

потрачены именно на нужды операций «Буря решимости» и «Возрождение надежды»².

На первый взгляд, ничего удивительного в саудовской милитаризации нет, поскольку на протяжении последних лет королевство принимает активное участие - как прямое, так и опосредованное - в военных действиях на Ближнем Востоке, что вынуждает Эр-Рияд уделять военным нуждам все большее внимание. По данным Всемирного банка, после 2011 г. доля военных расходов в ВВП страны выросла почти вдвое - с 7,2% до 13,7%³ - в 2015 г. При этом на момент начала «арабской весны» этот показатель достиг саудовского исторического минимума, что, в общем-то, соответствовало, в целом, весьма спокойной ситуации в регионе (разумеется, по арабским меркам).

«Арабская весна» обнажила кризис доверия между странами региона и Соединенными Штатами. Американская политика на Ближнем Востоке становилась для самих арабов все менее понятной, вызывая все больше вопросов и нареканий. Доста-

точно вспомнить, какое недоумение в ряде арабских столиц вызвало сближение американской администрации с Мухаммедом Мурси и «Братьями-мусульманами» в Египте. В результате, укрепились точка зрения о том, что администрация Барака Обамы и вовсе не имеет четкой стратегической цели в регионе, а также политической воли, чтобы преследовать свои интересы. Эта мысль особенно усиливалась на контрасте с той активной ближневосточной политикой, которую проводили предшественники Обамы на президентском посту, особенно два Джорджа Буша.

Нерешительность Соединенных Штатов во время антиправительственных демонстраций против союзнических режимов Хосни Мубарака в Египте, Зин ал-Абидина бен Али в Тунисе и Али Абдаллы Салеха в Йемене интерпретировалась, в лучшем случае, как предательство. А в худшем - как целенаправленная политика Вашингтона по перекройке всего Ближнего Востока и Северной Африки. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что и в стане противников свергнутых режимов американская политика также не находила должной поддержки, а американский нейтралитет трактовался не в их пользу.

Еще больше арабских союзников США потрясло бездействие Вашингтона на Сирийском фронте в августе-сентябре 2013 г., когда появилась информация о якобы использовании сирийской армией нервно-паралитического газа зарин под Дамаском. Применение химического оружия однозначно расценивалось региональными противниками режима Б.Асада как «красная черта», которую провел в политике Вашингтон и которую переступил сирийский президент, что неизбежно должно было бы привести к непосредственному вмешательству США в сирийский конфликт.

Однако этого не произошло, а последовавшие после заявления Барака Обамы относительно того, что он «испытывает гордость» за дипломатическое урегулирование ситуации, еще раз заставило его союзников задуматься над тем, что из себя представляют американские гарантии безопасности при нынешнем руководстве.

Баланс сил в регионе нарушился после «арабской весны», когда наиболее мощным в военном и геополитическом плане странам пришлось бороться за собственное выживание. Речь идет, прежде всего, о Египте, государственная власть в котором оказалась практически полностью парализованной для проведения активной внешней политики сразу же в ходе революции «25 января». После этого администрация Египта оказалась полностью поглощенной внутренними проблемами и прежде всего - проблемами своего собственного выживания. На поддержание статуса геополитического лидера региона сил и ресурсов у нее не оставалось.

Особую роль сыграли финансовые проблемы постреволюционного Египта. В результате революции правительство было вынуждено взять на себя массу новых финансовых обязательств (например, через увеличение зарплат и пособий самым разным требовавшим этого категориям населения). Расходы очень заметно выросли. И любое их сокращение встречалось взрывом негодования («За что боролись?!» «Отстоим завоевания Революции!!!»). Доходы при этом обвалились (хотя бы из-за резкого сокращения туристического потока и бегства капитала).

Следствием чего, стало стремительное сокращение золотовалютных резервов страны, а впереди всё более отчетливо маячила перспектива финансового банкротства ещё недавно впол-

не благополучной страны⁴. Это предопределило попадание Египта в финансовую зависимость сначала от Катара (при «Братьях-мусульманах»), а потом и от Саудовской Аравии (сразу же после их свержения)⁵, а Египет утратил роль регионального лидера.

В итоге, на лидирующие позиции стали претендовать новые игроки - Турция, Иран, даже крошечный (но исключительно богатый) Катар - и в т.ч., естественно, и Саудовская Аравия. Саудовская Аравия при этом решила подкрепить свои лидерские претензии значительным усилением своей военной мощи. А непредсказуемость арабской политики после 2011 г. требовала от Эр-Рияда немедленного реагирования на все более острые и внезапные вызовы, что дополнительно толкало Саудовскую Аравию к тому, чтобы принять на себя новую геополитическую роль (а значит, и наращивать свой военный потенциал).

Ситуация усложнялась еще и тем, что тесные связи между Саудовской Аравией и США, основы которых были заложены еще в 1945 г. на встрече президента Франклина Рузвельта с королем Абдель Азизом на корабле ВМС США «Куинси» после Ялтинской конференции, начали ослабевать. У Соединенных Штатов после прихода администрации Б.Обамы не было не только ясно определенной стратегической цели в регионе, но и политической воли, чтобы преследовать свои интересы.

Нерешительность США проявилась во время массовых протестов против авторитарных режимов в арабских странах. «Давние американские союзники, такие как Хосни Мубарак, Зин ал-Абидин бен Али и Али Абдалла Салех, чувствовали, что администрация Обамы их предала, - пишет почетный директор Института Ближнего Востока в Дели Полур Кумарас-

вами, - а протестующие были разочарованы слабой поддержкой демократов. Еще большее недоумение со стороны Эр-Рияда вызвало сближение американской администрации с Мухаммедом Мурси и «Братьями-мусульманами» в Египте»⁶.

С другой стороны, саудовская верхушка стала выстраивать свою внешнюю политику, все в большей степени реагируя на шаги и инициативы Ирана. Именно арабо-иранское (или, шире, суннитско-шиитское) противостояние стало тем стержнем, вокруг которого в последние годы строится вся внешнеполитическая стратегия саудовских правителей.

Иран в глазах Эр-Рияда оказывается принципиальным врагом - основной угрозой не только саудовскому лидерству на Ближнем Востоке, но и самому существованию королевства. «Оправданно или нет, но Саудовская Аравия чувствует себя окруженной врагами, подчиненными Ирану: в Бахрейне, в Сирии, в Йемене и в Ираке», - отмечает в этой связи немецкий эксперт Себастьян Зонс⁷. В результате, вся политика королевства выстраивается как реакция на действия Ирана.

Для Барака Обамы системообразующим звеном ближневосточной политики становится не сдерживание «иранской угрозы», а борьба с «Исламским государством». И в данном случае Иран гипотетически может рассматриваться потенциальным союзником в борьбе с растущей террористической угрозой, что вызывает ревность в Эр-Рияде. Принципиально новый контекст взаимоотношений между США и Саудов-

ской Аравией придало подписание Венских соглашений по иранской ядерной программе летом 2015 г., что было воспринято в королевстве как попытка Вашингтона диверсифицировать свои связи на Ближнем Востоке.

К ОРУЖИЮ

Кризис доверия и транспарентности в американо-саудовских отношениях толкает Эр-Рияд к проведению более независимой политики на Ближнем Востоке, причем при решении своих внешнеполитических задач Саудовская Аравия все чаще стала прибегать к методам, используемым ранее Соединенными Штатами. Причем эта самостоятельность обладает своими характерными чертами, которые приводят к росту конфликтогенности в регионе.

Среди них выделяются, прежде всего, три: ярко выраженный личностный окрас, отсутствие достаточного опыта и ответственности за проводимую ими политику и склонность к решению проблем наиболее радикальным путем. А потому, ес-

ли операцию «Щит полуострова» по спасению правящей в Бахрейне династии ал-Халифа еще можно списать на попытку обеспечения собственной безопасности в условиях хаоса и неопределенности, характерных для начала 2011 г., то война в Йемене, поддержка египетских военных во главе с ас-Сиси летом 2013 г. против «Братьев-мусульман» и активное участие в сирийском конфликте - примеры того, как «по-американски» Эр-Рияд решает проблемы неугодных режимов без оглядки на Вашингтон в контексте кризиса американо-саудовских отношений.

В результате, Саудовское королевство по доле военных расходов в ВВП прочно закрепилось на 3-м месте в мире, уступая только Оману, традиционно тратившему на оборону не менее 10% от ВВП и увеличившему этот показатель в 2015 г. до 16,2% (см. *график 1*).

Аналогичный рост после 2011 г. демонстрируют и общие затраты Эр-Рияда на военный сектор: в последующие после «арабской весны» годы увеличе-

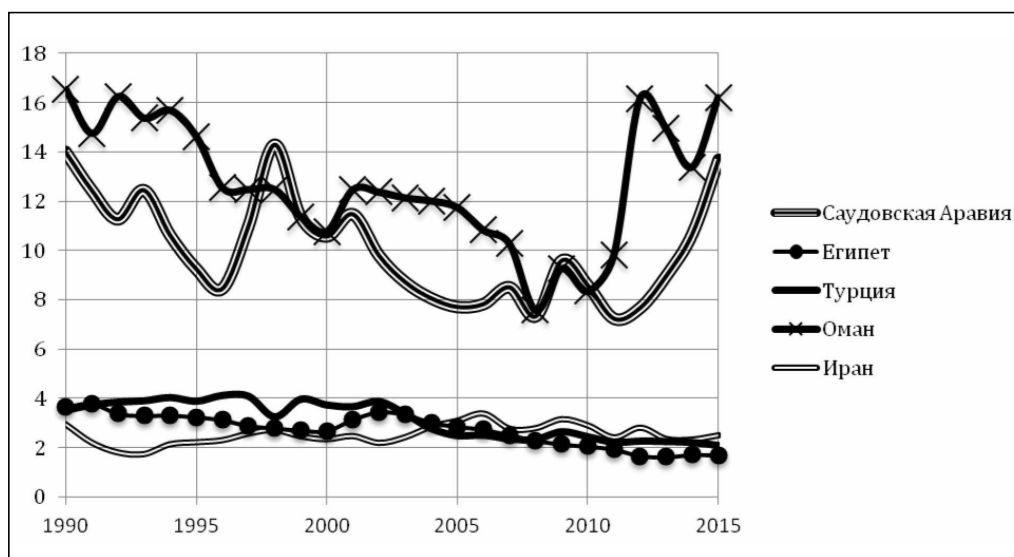

График 1. Доля военных расходов в ВВП (%).

Источник: World Bank database.

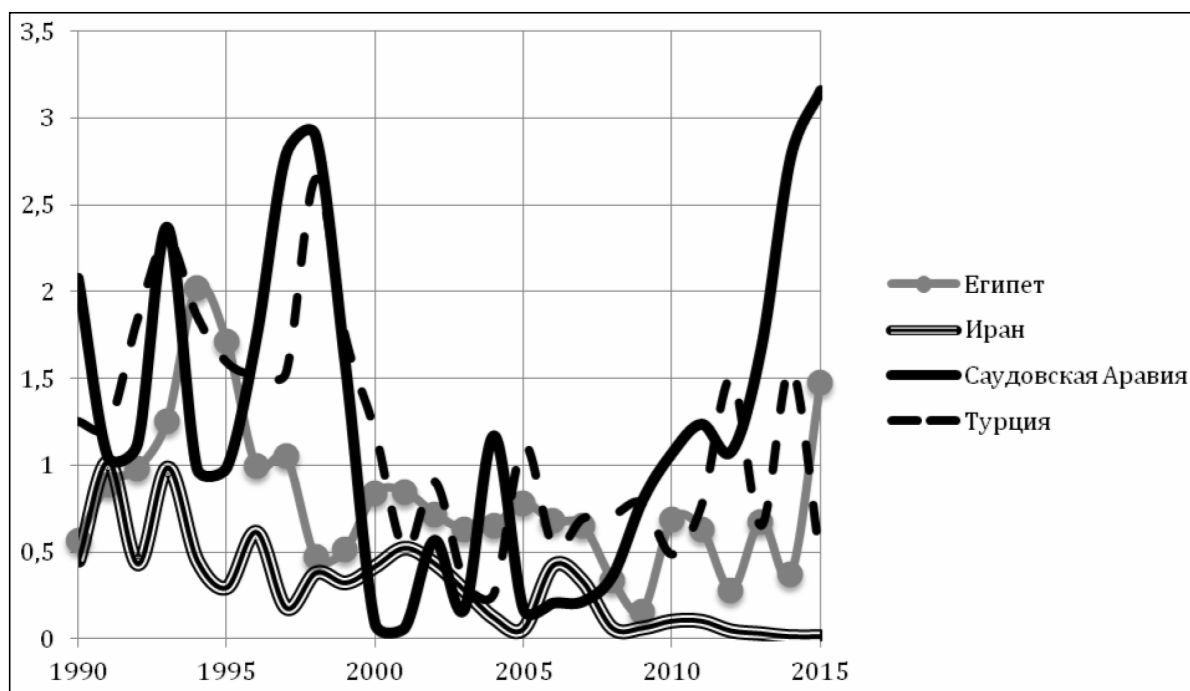

График 2. Расходы на импорт вооружений (в \$ млрд).

Источник: SIPRI Database.

жета составляло от 16 до 20% к предшествующему периоду, что является одним из самых высоких показателей в мире. И хотя данная тенденция пошла на спад в 2015 г., когда дефицит бюджета достиг рекордных \$98 млрд, что отразилось на весьма скромных, по арабийским меркам, темпах роста военных расходов, составивших лишь 7% по отношению к 2014 г., в общей сложности за последние пять лет саудовский оборонный бюджет увеличился на 80%.

Еще одна очевидная тенденция, характерная для региона Ближнего Востока и Северной Африки после «арабской весны», - это резкий рост импорта вооружения (см. *график 2*). В 2015 г. импорт вооружений в арабских странах достиг \$9,3 млрд, что составляет треть от общемирового показателя. При этом рост импорта вооружений в арабский мир, по сравнению с уровнем 2010 г., составил 34%. В то время как за предшествующую «арабской весне» пятилетку (с 2005 по 2010 гг.) рост за-

трат на закупку вооружений составил лишь 13%.

Ведущую роль в этих процессах играла именно Саудовская Аравия, чьи расходы на импорт вооружения в 2015 г. достигли \$3,2 млрд, или треть всего арабского импорта и десятая часть от общемирового.

Причем для Саудовской Аравии этот тренд особенно усилился после 2011 г.: тогда затраты королевства на закупку вооружений были в три раза ниже. Если в 2005 г. доля Саудовской Аравии в общеарабском импорте вооружений составляла 4,5%, то к 2010 г. она возросла уже до 20%, а спустя еще пять лет достигла 34%.

Саудовский интерес к импорту вооружений также во многом объясняется возросшим уровнем нестабильности в регионе и, соответственно, геополитическими амбициями региональных акторов, в первую очередь со стороны Ирана и Катара, что способствовало перманентному вовлечению королевства в региональные конфлик-

ты, начиная с 2011 г. и по сей день.

Но если до начала «арабской весны» главным региональным гарантом безопасности и сохранения *status quo* на Ближнем Востоке оставался Египет, у которого с иранскими властями отношения также не сложились, то после революции «25 января 2011 г.» и последующих событий «3 июля 2013 г.» страна фараонов практически полностью погрузилась в решение своих внутренних проблем, что оставило Эр-Рияд один на один с угрозами, которые встали на региональную повестку дня.

Однако иранская военная угроза для Саудовской Аравии остается не более чем мифом. Не будучи государством-гегемоном, способным безнаказанно приказывать и подчинять своих региональных противников, Иран сохраняет свои позиции в регионе, но далеко не за счет своей военной мощи. В то время как его региональные конкуренты продолжают закупать новейшие системы вооружения.

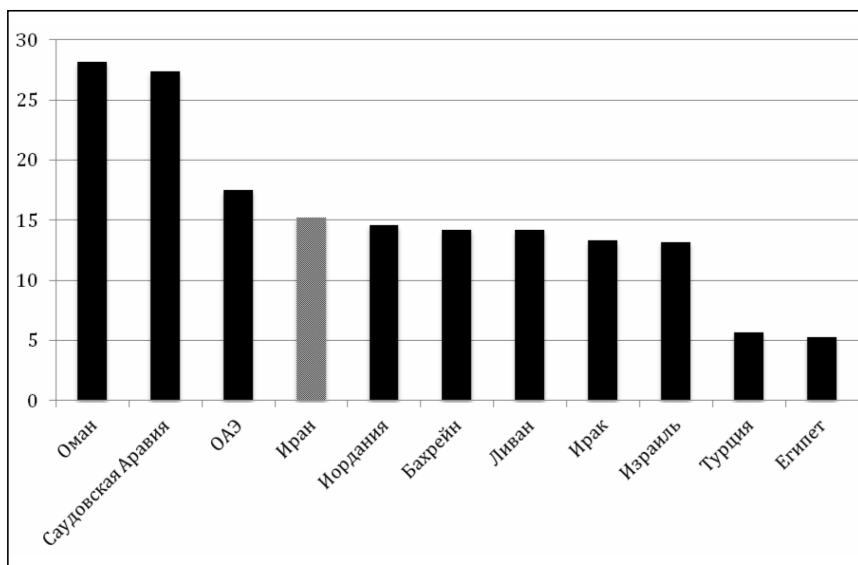

График 3. Доля военных расходов в общей сумме государственных расходов (%).

Источник: SIPRI Database.

Трезвые оценки - как количественные, так и качественные - показывают, что страны Аравийского полуострова имеют хорошие позиции не только для того, чтобы противостоять восходящему Ирану, но и конкурировать с ним. В соответствии с отчетом *CSIS*, можно заключить, что у стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) есть подавляющее преимущество перед Ираном как с точки зрения расходов на вооружение, так и в отношении доступа к новейшим военным образцам.

Количественно военные расходы Ирана намного ниже, чем у его аравийских конкурентов (см. *график 3*). По данным *SIPRI*, в 2015 г. более 27% всех государственных расходов Саудовской Аравии были потрачены на наращивание своего военного потенци-

ала. У Омана и ОАЭ эти показатели составили 28 и 17%, соответственно. В общей сложности Саудовская Аравия, Оман и ОАЭ потратили в 2015 г. на военные нужды около \$120 млрд, что составляет 3/4 затрат на оборону всех стран Ближнего Востока (см. *график 4*). Для сравнения - военные расходы

Ирана в 2015 г. составили около \$10 млрд, или 10% от общего объема военных трат Ближнего Востока, 11% - от саудовских и половину - эмиратских.

При этом существующий дисбаланс в военных расходах между аравийскими странами и Ираном отнюдь не явление последних лет. Согласно данным *SIPRI*, аналогичная ситуация сохранялась и до введения Советом Безопасности ООН санкций против Ирана. Как видно на *графике 4*, Саудовская Аравия в XXI в. последовательно тратила на вооружение на порядок больше, чем ее персидский сосед.

Качественно ситуация выглядит похожим образом. Страны ССАГПЗ приобретали и приобретают новейшие и передовые средства вооружения. В то время как Иран до сих пор вынужден жить «в прошлом», зачастую полагаясь на устаревшие образцы, закупленные еще до революции 1979 г.

Как замечают эксперты Национального ирано-американского совета Трита Парси и Тайлер Куллис, «на вооружении арабских стран Персидского залива находятся современные амери-

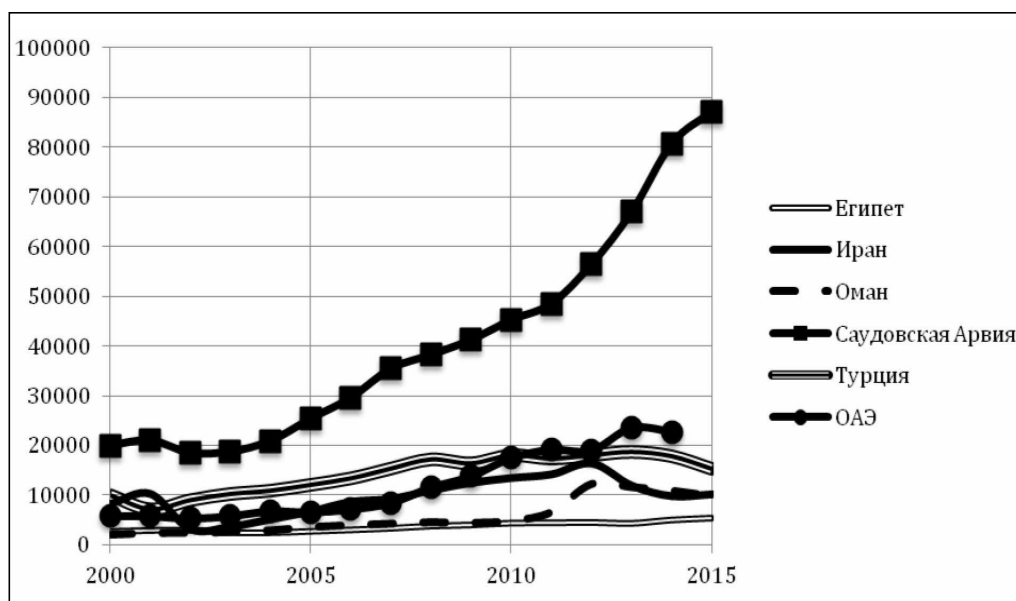

График 4. Военные расходы, в текущих \$ (млн).

Источник: SIPRI Database.

канские образцы военной техники, такие, как истребители *Boeing*, авиационная техника *Lockheed Martin*, беспилотные летательные аппараты *Predator*, ударные вертолеты *Apache*, зенитно-ракетные комплексы *Patriot*, а также новейшие запасы ракет и другого оружия.

В Иране же остались устаревшие системы вооружения времен шаха, и, не имея возможности найти надежного партнера за рубежом для закупки вооружений, Тегеран был вынужден опираться на собственную промышленность, чтобы сохранять способность производить средства военной защиты»⁸.

На относительно низком уровне, по сравнению со странами ССАГПЗ, остаются и военные траты Египта, который хотя и тратит после свержения М.Мурси более \$5 млрд на вооружение, все же нацелен, прежде всего, на поддержание собственной стабильности, нежели на наращивание своих геополитических амбиций. «Увеличение военных расходов страны находит свое отражение в продолжающейся модернизации вооружения, направленного на противодействие терроризму на Синайском полуострове, нормализацию отношений с Эфиопией, стабилизацию политического протеста и обеспечение безопас-

ности в зоне Суэцкого канала», - говорится в *Business Monitor International*⁹.

При этом египетский военный бюджет традиционно во многом зависел от ежегодной помощи со стороны США, чьи отношения с конца 1970-х гг. были построены на долгосрочном военном сотрудничестве, направленном на поддержание египетско-израильского мирного договора. С марта 2015 г. Вашингтон возобновил оказание Каиру помощи, приостановленной после переворота 2013 г.¹⁰, в размере \$1,3 млрд, 85% которой были направлены на военные нужды, и лишь 15% - на экономическое развитие. При этом около 60% американской военной помощи тратилось на оплату военных, а оставшиеся средства - на закупку вооружений.

* * *

Особенностью современных конфликтов на Ближнем Востоке стало то, что они достаточно быстро трансформируются из локальных в региональные, а подчас и международные, втягивая все новых и новых игроков. Отношения между Эр-Риядом и Тегераном, как и ситуация в регионе в целом, могут в ближайшем будущем накаляться. Соответственно, дальнейшее обострение отношений между

двумя странами делает прозрачными любые надежды на дипломатическое разрешение старых ближневосточных конфликтов, которыми было отмечено ирано-саудовское противостояние.

«И в Йемене, и в Ираке, и в Сирии аравийское королевство и исламская республика готовы пойти на все, чтобы не позволить конкуренту укрепить свое влияние»¹¹. Обе страны находятся в жесткой конфронтации за региональное лидерство.

Милитаризация и без того одного из самых нестабильных регионов мира, в первую очередь, обусловлена «фобиями» ведущих региональных игроков, которые столкнулись с необходимостью выживать в условиях пересмотра существовавших на протяжении последних десятилетий «правил игры».

Американская ближневосточная политика времен Обамы, которая и послужила одним из источников этих «фобий», так и не снискала не то что поддержки, но и понимания со стороны большинства арабских государств, в т.ч. и Саудовской Аравии, что, в конечном счете, подтолкнуло последнюю к проведению более самостоятельной политики в регионе, предопределив высокий уровень конфликтности на Ближнем Востоке.

¹ SIPRI Database - http://www.sipri.org/research/armaments/milex/milex_database

² Yemen War Cost Saudi \$5.3 bn: Minister // PressTV, December 29, 2015 - <http://www.presstv.ir/Detail/2015/12/29/443712/Saudi-Arabia-economy-minister-Yemen-war-budget/>

³ World Bank database - <http://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.XPND.GD.ZS/countries/SA-OM-QA-KW-US-1A?display=graph>

⁴ Исаев Л.М., Коротаев А.В. Египетский переворот 2013 года: опыт эконометрического анализа // Азия и Африка сегодня. 2014. № 2) (Isaev L.M., Korotaev A.V. 2014. Egipetskii perevorot 2013 goda: opyt econometricheskogo analiza. № 2) (in Russian)

⁵ Коротаев А.В., Исаев Л.М. Анатомия египетской контрреволюции // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 8 (Korotaev A.V., Isaev L.M. 2014. Anatomiya egipetskoi kontrevolutsii. № 8) (in Russian)

⁶ Кумарасвами П.Р. Саудовская Аравия: имперское перенапряжение? // Россия в глобальной политике. 2016. № 2.

⁷ Conflict of Iran and Saudi Arabia: Causes and Consequences // Deutsche Welle. 11.01.2016 - <http://www.dw.com/ru/конфликт-ирана-и-саудовской-аравии-причины-и-последствия/a-18968051>

⁸ Parsi T., Cullis T. The Myth of the Iranian Military Giant // Foreign Policy, 10.07.2015 - <http://foreignpolicy.com/2015/07/10/the-myth-of-the-iranian-military-giant/>

⁹ Egypt - Military Budget - <http://www.globalsecurity.org/military/world/egypt/budget.htm>

¹⁰ Obama Ends Freeze on US Military Aid to Egypt // Reuters, March 31, 2015 - <http://www.reuters.com/article/us-usa-egypt-military-idUSKBN0MR2GR20150401>

¹¹ Исаев Л.М. «Обрадуй же их наказанием мучительным»: геополитическое соперничество Саудовской Аравии и Ирана // Неприкосновенный запас. 2016. № 2. (Issaev L.M. 2016. «Obradui zhe ikh nakazaniem muchitel'ny'm»: geopoliticheskoe sopernichestvo Saydovskoi Aravii i Irana // Neprikosnovennyi zapas. № 2) (in Russian)